

послѣдняго, и др., а съ другой, — событія царствованія Алексѣя Комнина, которыя были, какъ на подборъ, особенно выдающіяся въ гражданскомъ и въ церковномъ отношеніи, какъ это отчасти видно уже и изъ сдѣланнаго выше перечня содержанія главъ изслѣдованія г. Брянцева.

Изслѣдуя свой предметъ вполне самостоятельно, на основаніи вынесенныхъ изъ чтенія и изученія литературы его впечатлѣній, безъ рабскаго подчиненія стороннимъ мнѣніямъ и ученымъ авторитетамъ, г. Брянцевъ всюду вводитъ въ область изслѣдованія собственное и при томъ глубокое, основательное размышленіе и разсужденіе, при чемъ обнаруживаетъ замѣчательную по силѣ и зрѣлости сужденія критическую способность (напр. стр. 142 и дал.— разборъ мнѣнія проф. О. И. Успенскаго объ Іоаннѣ Италѣ; стр. 174 и дал.— разборъ сужденій Анны Комнинъ и Акомината о томъ же І. Италѣ, и др.), а по мѣстамъ высказываетъ даже и особые, не безынтересные для ученой любознательности, взгляды (какъ напр. стр. 278 о культурномъ вліяніи востока на западъ). Особенно много труда положено авторомъ и много имъ сдѣлано въ научномъ отношеніи для выясненія довольно темной въ исторіи личности Іоанна Итала, о которомъ въ литературѣ и мало въ общемъ имѣется свѣдѣній и имѣющіяся свѣдѣнія являются довольно сбивчивыми.

Ясность представленія авторомъ предмета изслѣдованія имѣла своимъ прямымъ послѣдствіемъ и ясность изложенія, а потому трудъ его читается легко, что также составляетъ пріятную и похвальную сторону въ немъ.

Принимая во вниманіе все это, мы признаемъ трудъ г. Брянцева, даже и при теперешней незаконченности его, заслуживающимъ не только степени кандидата богословія, но и особенной похвалы.

2. О сочиненіи студента *Димитрія Розанова*: „О древнегреческихъ общественныхъ играхъ въ виду 1 Корин. 9, 24—

27; Филип. 2, 16; 3, 12—14; 1 Тим. 4, 8; 6, 11—12; 2 Тим. 4, 7—8 и др“.

Сочиненіе г. Розанова послѣ краткаго введенія (стр. 1—8), раскрывающаго значеніе предмета изслѣдованія, распадается на двѣ главныя части, изъ которыхъ первая (стр. 8—140) сообщаетъ свѣдѣнія о древне-греческихъ общественныхъ играхъ, а вторая (141—235) занимается разсмотрѣніемъ и объясненіемъ имѣющихъ то или другое отношеніе къ тѣмъ играмъ мѣстъ изъ посланій св. апостола Павла, указанныхъ въ заглавіи сочиненія, и другихъ, близкихъ къ нимъ, каковы: Ефес. 6, 11—17; 1 Сол. 5, 8; Кол. 1, 10 и иныхъ. Въ заключеніи указывается различіе жизни истинно-христіанской и языческой и неудовлетворительность послѣдней по сравненію съ первой.

Въ первой части сочинитель сперва излагаетъ „общія замѣчанія объ играхъ“ (стр. 8—32); за тѣмъ указываетъ мѣсто совершенія главнѣйшихъ, Олимпійскихъ, игръ (32—48), время происхожденія и постепенное развитіе ихъ (48—54); говоритъ о томъ, въ какомъ порядкѣ онѣ совершались и въ чемъ состояли происходившія на нихъ состязанія (54—82), повѣствуетъ о другихъ также весьма извѣстныхъ въ древней Греціи и сопровождавшихся таковыми же состязаніями играхъ: Писійскихъ (83—100), Немейскихъ (100—112) и Исемійскихъ (113—134); наконецъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія и о второстепенныхъ или малыхъ греческихъ играхъ, т. е. гереяхъ, панаѳееняхъ и діонисіяхъ (135—140).—Во второй части сочиненія дѣлается „указаніе противоположности между ученіемъ св. апост. Павла и міросозерцаніемъ древняго язычества“, въ виду, съ одной стороны, вышеописанныхъ игръ, а съ другой,—тѣхъ изреченій изъ посланій св. ап. Павла, въ которыхъ образы взяты изъ представленія о бывшихъ во время игръ состязанійхъ, и потому все дѣло изслѣдованія сводится къ подробному раскрытію смысла этихъ изреченій

въ связи съ другими изреченіями св. Писанія, имѣющими къ нимъ то или другое отношеніе по развитію мысли объ упомянутой противоположности, приводящей сочинителя къ убѣжденію въ неизмѣримомъ превосходствѣ христіанскаго воззрѣнія на жизнь, какъ на стремленіе къ безконечному усовершенствованію духа, предъ языческимъ на нее воззрѣніемъ, которое ограничивалось лишь стремленіемъ къ развитію и усовершенствованію тѣла со стороны силъ и красоты послѣдняго въ видахъ разнообразной борьбы и состязаній.

Сочиненіе, какъ первый опытъ серьезнаго учено-литературнаго изслѣдованія, не свободно отъ недостатковъ и со стороны содержанія и со стороны изложенія. И прежде всего, въ немъ не видно вполне яснаго и отчетливаго раскрытія и неуклоннаго, послѣдовательнаго проведенія основной, руководящей мысли всего изслѣдованія, — мысли о превосходствѣ христіанскаго воззрѣнія на жизнь, какъ своего рода состязаніе (въ разнаго рода и вида добродѣтеляхъ для усовершенствованія духа съ цѣлью достиженія *неистлѣннаго вѣнца* на небѣ по 1 Корин. 9, 25), предъ языческимъ на нее воззрѣніемъ. Отъ того и многія добрыя мысли сочинителя представляются въ большинствѣ, даже во второй, главной части разбросанными безъ строгаго порядка и единства. Отъ того же нѣкоторыя изреченія св. Писанія, не имѣющія ближайшаго отношенія къ предмету изслѣдованія, имѣютъ для себя въ сочиненіи г. Розанова довольно подробное раскрытіе и изъясненіе, какъ напр. Ефес. 4, 1; 4, 17—24 и особенно 6, 11—17, также 2 Тим. 2, 3 (на стр. 172 и дал., 192 и дал. и др.), а изреченія, ближайшимъ образомъ относящіяся къ дѣлу, каковы, напримѣръ, 1 Тим. 4, 8, гдѣ въ греческомъ текстѣ прямо и употреблено выраженіе *ἡ σοφιστικὴ γυμνασία*, 2, Тим. 2, 5: *ἐὰν δὲ καὶ ἀθλῆ τις, οὐ στεφανοῦται, ἐὰν μὴ γομίῃσιν ἀθλήσῃ* и нѣкот. др., или только въ заключеніе и весьма

кратко разсматриваются (какъ 1 Тим. 4, 8 на стр. 236) или даже совсѣмъ не подвергаются изслѣдованію (какъ 2 Тим. 2, 5). Отъ того же, наконецъ, и заключеніе вышло болѣе слабо, чѣмъ можно было бы ожидать отъ постановки темы во введеніи. За тѣмъ, встрѣчаются по мѣстамъ и невѣрности мысли, недосмотры, промахи со стороны исторической, филологической и другихъ. Такъ, на примѣръ, идетъ рѣчь о „твореніяхъ“ между прочими Сократа и Пифагора, какъ такихъ, которыми и намъ можно было бы пользоваться (стр. 1—2), тогда какъ извѣстно, что творенія ихъ не дошли до насъ; говорится, будто историкъ Тимей Сициліецъ около 264 года *по* Рожд. Христ. употребилъ въ первый разъ новую хронологію, по олимпіадамъ (стр. 53), въ чемъ ему „*послѣдовали* Поливій, Діодоръ Сицилійскій, Діонисій Галикарнассскій и проч.“, а между тѣмъ даже эти послѣдователи его, не говоря о немъ самомъ, жили *до* Рожд. Христ.;—будто *ἐξηγητής* у грековъ значило только „толкователя достопримѣчательностей Олимпа“ (стр. 28);—будто *ἐπιφάνεια* нужно производить отъ *ἐλάνω*—вверху, вверхъ и *φαίνεσθαι*—показываться, являться (стр. 166) и др. Встрѣчаются противорѣчія (какъ, на прим., на стр. 21—22, о выборѣ борцомъ соперника для себя, по сравненію съ стран. 54 и 56, гдѣ справедливо замѣчается, что соперника борецъ получалъ по жребію, независимо отъ своего выбора), неточности (на прим. стр. 9—„пиршества“, точнѣе было бы „празднества“, также стр. 141, 178 и др.), преувеличенія (напр. стр. 52) и под.

Въ указаніи литературы предмета (стран. 8, 32, 54, 83, 100, 113, 135 и др.) требовалась бы большая точность и обстоятельность (опредѣленные цитаты, полное заглавіе сочиненій съ указаніемъ времени ихъ выхода въ печати и т. д.), нежели какая видна въ изслѣдованіи г. Розанова. Это свидѣтельствуетъ объ учено-литературной малоопытности его, такъ же какъ эта малоопытность видна и

на другихъ сторонахъ изложенія его сочиненія, какъ напр. на невыработанности языка въ литературномъ отношеніи, на неустойчивости въ русскомъ правописаніи греческихъ именъ и под. Такъ, авторъ часто и иногда совершенно безъ всякой надобности употребляетъ слово: „данный“, напр. „для входа на данную ступень“, стр. 38—39;—„выражаетъ недовольство даннымъ возницей“, стр. 43 и т. д.,— употребляетъ обороты рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: „если мы обратимъ вниманіе къ настоящему времени“ (стр. 1);— „при извѣстномъ же участникѣ возобновленія игръ—Ифитѣ, а, равнымъ образомъ, какъ и въ теченіи лѣтъ ста послѣ него употреблялся нѣсколько иной составъ олимпіадъ“ (стр. 53) и др.; жителей извѣстной области Пелопонеса Элиды (по греч. Ἠλίδας, —ιδος) называетъ „Иліицами“ (οἱ Ἠλεῖοι), а самую область „Элидской“ (стр. 32 и 33) и под.

Но эти и нѣкоторые другіе недостатки сочиненія г. Розанова, въ самой большей своей части мелкіе, искупаются несомнѣнными достоинствами его. Сюда относится, ближе всего, весьма похвальная тщательность въ собраніи, разсмотрѣніи и изученіи матеріала для обработки темы, а также и въ подборѣ изъ него нужнаго для цѣли. Авторъ воспользовался всѣмъ, возможнымъ для него и въ иностранной и въ русской литературѣ какъ для второй, такъ и особенно для первой части своего изслѣдованія, которую онъ наиболѣе заботливо и обработалъ. Описаніе древнегреческихъ игръ, всюду основывающееся на главномъ первоисточникѣ (Павзанія, „Описаніе Греціи“) и не упускающее изъ виду новѣйшихъ пріобрѣтеній науки по части греческихъ древностей, составлено самостоятельно и представляетъ собой цѣнную часть изслѣдованія о греческихъ древностяхъ въ русской литературѣ даже при существованіи такихъ трудовъ, какъ Страшкевича, Латышева и другихъ, которыми также воспользовался г. Розановъ. Вторая часть сочиненія послѣдняго хотя является и менѣе (быть

можетъ, за недостаткомъ времени) отдѣланною въ научномъ отношеніи, однако также носить на себѣ явные слѣды большой тщательности и ученаго трудолюбія автора. Здѣсь г. Розановъ для своей цѣли въ обиліи пользовался не только новѣйшими толкователями св. Писанія — русскими (напр. преосвящ. Теофаномъ) и иностранными (Лянге, Мейеръ) но и, — что особенно дорого, — св. Отцами церкви, — св. Иоанномъ Златоустомъ, блаж. Феодоритомъ и другими, всюду по преимуществу на толкованіяхъ святоотеческихъ опирая свои мнѣнія и изъясненія. По этому же, далѣе, его сочиненіе, отъ начала и до конца, проникнуто самымъ добрымъ въ православномъ смыслѣ направленіемъ. Мысль о томъ, „насколько всегда христіанская жизнь была и есть выше языческой“ (стр. 6, сн. 236), мысль о превосходствѣ истиннохристіанскаго возрѣнія на жизнь предъ языческимъ, духовнаго предъ тѣлеснымъ, небснаго, вѣчнаго предъ земнымъ, временнымъ всюду свѣтитъ въ сочиненіи молодаго ученаго и освѣщаетъ ему пути изслѣдованія объ одной изъ сторонъ языческой древности, на которую древніе Греки обращали особенное вниманіе и къ которой тяготѣли всѣми силами своего существа и отъ которой однакоже св. апостоль Павелъ беретъ только образы для того, чтобы облечь въ нихъ возвышеннѣйшія мысли о конечной цѣли жизни и стремленій въ христіанствѣ. Глубокое убѣжденіе автора въ истинѣ этой мысли выражена въ слѣдующихъ словахъ его введенія: „Несомнѣнно, что это (т. е. изслѣдованіе указанныхъ темою мѣстъ изъ посланій св. ап. Павла, въ связи съ описаніемъ древне-греческихъ игръ и происходившихъ на нихъ состязаній) дастъ возможность получить наглядное и точное представленіе о томъ громадномъ различіи, какое постоянно существовало между идеалами христіанства и язычества“ (стр. 8). А поучительный выводъ изъ всего изслѣдованія тотъ, что *„тѣлесное обученіе вмаль есть полезно: а благочестіе на все полезно есть“* (1 Тим. 4, 8)

и „поэтому крайне безразсудно поступаютъ тѣ, которые все время своей жизни убиваютъ на заботы о тѣлѣ, нисколько не думая при этомъ о душѣ“ (стр. 236).

Много и отдѣльныхъ свѣтлыхъ мыслей и добрыхъ порывовъ можно было бы указать въ разсматриваемомъ сочиненіи, особенно же во второй его части, какъ напр. на стр. 171—о томъ, что должно дѣлать христіанамъ для поддержанія указываемаго въ 1 Тим. 6, 11—12 строя жизни; на стр. 184 о любви, милосердіи и проч. въ объясненіи Кол. 3, 12 и др.

Все это даетъ г. Розанову полное право на получение степени кандидата богословія за его сочиненіе.

Экстраординарнаго профессора Василія Кипарисова.

1. О сочиненіи студента *Михаила Граціанскаго*: „Тиранный Руфинъ, пресвитеръ аквилейскій“.

Свою задачу самъ авторъ опредѣлилъ такимъ образомъ: „изложить жизнь Руфина въ связи съ его литературною дѣятельностію“ (стр. 1). Изложеніе жизни (біографія), предшествуемое общимъ введеніемъ (1—26), въ сочиненіи автора занимаетъ страницы 27—172, 327—342. На страницахъ 172—326 расположено „обозрѣніе“ литературныхъ трудовъ Руфина, обозрѣніе, которое самъ авторъ называетъ краткимъ и расположеннымъ „по особому искусственному плану“. Послѣднія же страницы сочиненія (342—352) заняты „заключеніемъ“, составленнымъ изъ свода отзывовъ о Руфинѣ древнихъ и новыхъ писателей, впрочемъ не всѣхъ отзывовъ, которыхъ, по собственному свидѣтельству автора (343), „безчисленное множество“, а лишь нѣкоторыхъ, представленныхъ въ качествѣ образца. Эти отзывы заключаются нѣсколькими словами самого автора (352 до конца), въ которыхъ онъ пытается опредѣлить достоинство приведенныхъ имъ отзывовъ, а также и значеніе личности и трудовъ Руфина въ исторіи.

Какъ изъ этого видно, составъ сочиненія г. Граціанскаго

естественно опредѣлился двумя частями: біографической и бібліографической, или историко-литературной. Обращаясь къ біографической части должно сказать, что эта часть читается съ весьма большимъ интересомъ. Руфинъ въ изложеніи автора является какъ живая личность и ни на минуту не выходитъ изъ воображенія читателя, ибо у автора, въ его изложеніи жизни Руфина, нигдѣ не образуется зіяній, въ которыхъ нить жизни Руфина и нить разсказа автора чѣмъ-нибудь обрывалась бы: всѣ отдѣльные моменты событій связаны между собою весьма хорошо, а если когда о чемъ умалчиваетъ авторъ, то это бываетъ у него единственно по причинѣ полного отсутствія какихъ-либо историческихъ данныхъ для рѣшенія дѣла. Не рѣдко практикуемый приемъ автора—приводить по поводу того или другаго событія подлинныя выдержки изъ памятниковъ долженъ быть признанъ очень цѣлесообразнымъ. Ничто, на примѣръ, не охарактеризуетъ отношеній между Руфиномъ и Геронимомъ такъ, какъ характеризуютъ слова Геронима, когда онъ узналъ о смерти Руфина, слова приведенныя авторомъ на стр. 341. Въ части біографической (точнѣе во введеніи) есть даже нѣкоторое излишество (которое, конечно, не можетъ быть поставлено въ недостатокъ сочиненія): замѣчанія о „постепенномъ паденіи язычества“ (стр. 2—7), на примѣръ, очевидно были излишни, ибо автору въ дальнѣйшемъ изложеніи дѣла ни на что они не оказались нужными, да и предметъ это не такой, чтобы его можно было обозрѣть на нѣсколькихъ страницахъ. Вообще же нельзя не признать, что біографическая часть исполнена авторомъ удовлетворительно. Но въ отношеніи къ части бібліографической можно предъявить къ автору пожеланія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, улучшенія дѣла. Какъ мы видѣли, самъ авторъ свою систему обозрѣнія литературныхъ трудовъ Руфина признаетъ сдѣланною „по искусственному плану“. Съ этимъ нельзя не согласиться, но это не важно.

По моему мнѣнію, гораздо важнѣе, то что эта часть сочиненія г. Граціанскаго представляетъ Руфина какъ писателя сравнительно блѣдно, и это, между прочимъ, происходитъ отъ того, что здѣсь авторъ слишкомъ скупился на выдержки и переводы изъ Руфина и большею частію ограничивался сообщеніемъ общихъ свѣдѣній о каждомъ сочиненіи Руфина. Но если уже авторъ даетъ свой переводъ Руфина тамъ, гдѣ онъ (авторъ) по праву могъ бы удовольствоваться лишь приведеніемъ истиннаго Руфинова текста (стр. 246 — 250), и гдѣ послѣднее было бы даже лучше по существу дѣла (ибо для читателя, конечно, будетъ важнѣе знать то, какъ переводилъ Руфинъ съ греческаго на латинскій, а не то какъ самъ авторъ переводитъ съ латинскаго на русскій): то еще справедливѣе было бы, если бы авторъ (укажемъ хотя на этотъ случай) или цѣликомъ перевелъ сочиненіе Руфина *De adulteratione libr. Orig.* или даже снабдилъ свой трактатъ объ этомъ сочиненіи Руфина такими выдержками изъ него (какъ это дѣлается у Миня, *ibid.* 123), которыя давали бы читателю возможность хотя не много познакомиться съ этимъ памятникомъ древности (да и весь то памятникъ не великъ!). Къ этому, по моему мнѣнію, обязывало автора, кромѣ общихъ требованій литературной критики, уже то обстоятельство, что самъ авторъ рѣшительно становится на сторону Иеронима, смѣющагося надъ Руфиновой гипотезой порчи оригеновскихъ твореній (стр. 271). Точно такая же нужда въ оправдательныхъ выдержкахъ чувствуется и тамъ, гдѣ авторъ говоритъ объ апологіи Руфина противъ Иеронима (стр. 263—69)—пусть даже это и есть одинъ „изъ печальныхъ памятниковъ человѣческаго несовершенства“, по выраженію автора: ибо какъ скоро какому-либо памятнику письменности въ изслѣдованіи удѣляется мѣсто (а здѣсь, у г. Граціанскаго—даже во главѣ трактата о сочиненіяхъ Руфина), на обязанности изслѣдователя лежитъ представить памят-

никъ такъ, чтобы и у того читателя, у котораго нѣтъ подъ руками самаго памятника, оставалось въ представленіи гораздо болѣе, чѣмъ сколько можетъ дать одно указаніе заглавія или общія замѣчанія о количествѣ частей этого памятника и рѣзкости его тона! Желательно бы также, чтобы Руфинъ, какъ историкъ (стр. 280 — 294) представленъ былъ авторомъ и болѣе самостоятельно и болѣе разносторонне. Значительно лучше отношеніе автора къ сочиненію Руфина, извѣстному подъ именемъ „исторіи пустынножительной“ (295—314). Быть можетъ отъ необходимой поспѣшности въ работѣ, въ этой же библиографической части труда автора, произошло то, что онъ, авторъ, можетъ оказаться не всѣмъ понятнымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчисляеть переводы Руфина изъ сочиненій св. Григорія Богослова. Что это за сочиненія Св. Григорія Богослова „о свѣтилахъ“, „о самомъ себѣ по возвращеніи съ поля“, „о союзѣ и единствѣ монаховъ“—не говоря уже объ „апологетикѣ“ Григорія (стр. 173)? Это—авторъ буквально переводитъ даваемое у Миня (XXI, 189) указаніе, что Руфинъ перевелъ „книги или лучше рѣчи“ (orationes, проповѣди) Григорія: de luminibus quod est secundis epiphoniis, de semet ipso ex agro reverso, de reconciliatione et unitate monachorum и т. д. Истинный смыслъ этихъ заглавій авторъ могъ мы найти, если бы обратился къ самымъ сочиненіямъ св. Григорія (на что и указано у Миня); авторъ тогда убѣдился бы, что у св. Григорія рѣчь шла совсѣмъ не о свѣтилахъ и вовсе не о полѣ, съ котораго будто бы возвратился онъ, св. Григорій, и не о союзѣ и единствѣ монаховъ, а о предметахъ другихъ, къ которымъ даваемыя авторомъ заглавіе не подходятъ.

Сдѣланныя сейчасъ замѣчанія однако не могутъ лишить автора безспорнаго его права на удостоеніе степени кандидата богословія.

2. О сочиненіи студента *іеродіакона Никона*: „Инокентій Архіепископъ Херсонскій, какъ проповѣдникъ. Общее введеніе и первая часть изслѣдованія. Стр. 1—673“.

Сочиненіе подъ означеннымъ заглавіемъ свидѣтельству-
етъ несомнѣнно, что авторъ съ большою охотою къ дѣлу
и съ любовію къ самой личности проповѣдника не мало за-
нимался изученіемъ всего, что прямо или косвенно относи-
лось къ дѣлу проповѣдничества Иннокентія и къ его лич-
ности, по скольку вопросъ о личности связывался съ во-
просомъ о проповѣди. Авторъ пересмотрѣлъ, съ увѣрен-
ностію можемъ сказать, и изучилъ все, что по сіе время
имѣлось въ печати относительно Иннокентія, доходя въ
этомъ отношеніи даже до тѣхъ данныхъ, которыя предста-
вились ему въ одной изъ самыхъ послѣднихъ книжекъ одного
изъ духовныхъ журналовъ (Труды Кіев. Дух. Академіи
1895 г. № 4). Въ то же время, въ этой первой части
своего сочиненія, авторъ доказалъ хорошее изученіе и са-
мыхъ проповѣдей Иннокентія, выдѣлилъ изъ нихъ нужные
ему элементы и далъ имъ надлежащее употребленіе. Такъ,
напримѣръ, на основаніи показаній внутреннихъ и внѣш-
нихъ, и по соображеніи однихъ съ другими, онъ, авторъ,
возможно точно распредѣлилъ проповѣди по годамъ; изъ
отдѣльныхъ выраженій въ проповѣдяхъ, выраженій часто
отрывочныхъ и случайныхъ, построилъ гомилетическую тео-
рію Иннокентія, т. е. сдѣлалъ сводъ мнѣній Иннокентія по
вопросамъ теоріи проповѣди, при чемъ опять всѣ положе-
нія, которыя онъ видѣлъ у Иннокентія, старался освѣтить
сопоставленіемъ ихъ съ другими фактами исторіи пропо-
вѣдничества русскаго и съ общепризнанными положеніями
теоріи проповѣди. Но эти хорошія стороны въ работѣ ав-
тора, къ сожалѣнію, имѣли въ результатъ и такія послѣд-
ствія, которыя не могутъ быть желательны: сочиненіе, „за
полнымъ отсутствіемъ надлежащаго времени“ по выраже-
нію автора, не окончено, не смотря на то, что заключаетъ
въ себѣ 673 страницы. Въ какой именно мѣрѣ сочиненіе
не окончено, сказать это стороннему человѣку, конечно,
трудно, но несомнѣнно въ мѣрѣ не незначительной, ибо не

только нѣтъ второй части, по намѣренію самого автора долженствовавшей заключать въ себѣ анализъ и критику самыхъ проповѣдей Иннокентія и нѣкоторые другіе, болѣе второстепенныя, вопросы (какъ напримѣръ вопросъ, на который указываетъ авторъ на стр. 319, прим. 432), но автору не удалось окончить и послѣдней главы, ч. I отд. 2. Авторъ видимо располагалъ, не жалѣя труда, приготовить изслѣдованіе о предметѣ самое полное, и потому, работая надъ первою частію его, коснулся многихъ такихъ вопросовъ, которыхъ можно было бы и не касаться, ибо то шло прямо въ ущербъ экономіи времени, нужнаго автору для работы надъ болѣе необходимыми вопросами. Такъ авторъ, между прочимъ, подвергаетъ разсмотрѣнію Вольфовское изданіе сочиненій Иннокентія (стр. 9—19); критически обзрѣваетъ нѣкоторыя изъ сочиненій объ Иннокентіи; дѣлаетъ далѣе общій перечень всего, что гдѣ либо и когда либо писано было объ Иннокентіи (въ томъ числѣ перечень содержанія извѣстныхъ „Матеріаловъ“ Барсова); изслѣдуетъ вопросъ о мѣстѣ родины Иннокентія; вводитъ „обширое замѣчаніе о причинахъ появленія въ данную эпоху тѣхъ или иныхъ произведеній человѣческаго творчества“ (65—81): все подобное могло бы быть оставлено прямо въ виду срочности дѣла автора, такъ какъ нужно признать, что по задуманному авторомъ плану и въ предположенной имъ полнотѣ можно исполнить дѣло только въ неограниченное какими либо требованіями и условіями время.

Сочиненіе іеродіакона Никона, однако, и въ недоконченномъ видѣ совершенно заслуживаетъ степени кандидата богословія. Но если бы автору когда либо пришлось печатать исполненную уже часть его труда, то я, съ своей стороны, посовѣтывалъ бы автору прежде всего изгладить нѣкоторую особенность въ слогѣ и въ приѣмахъ писанія, выражающуюся въ употребленіи оборотовъ, не принятыхъ или рѣдко употребляемыхъ въ подобнаго рода работахъ. За

тѣмъ, должна быть также оставлена не незамѣтная тенденція такого рода: если авторъ видитъ (и весьма часто—совершенно основательно), что въ дѣлахъ Иннокентія что либо оказывалось не такъ, какъ то было бы желательно (хотя бы, на примѣръ, то обстоятельство, что у Иннокентія теорія не всегда совпадала съ практикой): то авторъ немедленно старается свалить вину этого на „время“, то есть на эпоху съ 1825 по 1857 годъ. Должно бы подумать автору и надъ нѣкоторыми изъ своихъ характеристикъ историческихъ дѣятелей. Иныя изъ нихъ читатель не сразу можетъ понимать, а можетъ быть и совсѣмъ съ ними не согласится. Лучше иногда отказаться отъ попытки кратко, но мѣтко охарактеризовать извѣстное лицо или извѣстное явленіе, чѣмъ подвергать себя опасности, что характеристики могутъ оказаться слишкомъ поспѣшными и потому не цѣнными. Если авторъ все подобное безжалостно къ своему труду удалить изъ своего сочиненія, то оно отъ этого ничего не потеряетъ.

Экстраординарнаго профессора Героея Татарскаго о кандидатскомъ сочиненіи студента *Михаила Славскаго*:

Сочиненіе студента Михаила Славскаго имѣетъ своею задачею представить въ общемъ характеристическомъ очеркѣ „разность идеаловъ поэзіи классическаго и христіанскаго міра въ зависимости отъ различія въ духовномъ настроеніи эпохъ“.

Сообразно съ этимъ авторъ, послѣ краткаго введенія, излагающаго методъ и общій планъ предстоящаго изслѣдованія, раздѣляетъ все свое сочиненіе на двѣ главныя части. Въ первой изъ нихъ онъ изображаетъ характеръ и значеніе идеаловъ, выразившихся у различныхъ поэтовъ античнаго міра въ связи съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Распредѣляя здѣсь представляющійся ему историческій матеріаль по главнѣйшимъ родамъ поэзіи, онъ обращаетъ особенное вниманіе на драму, представляющую высшій рас-

цвѣтъ античнаго искусства и самую характеристическую область по данному вопросу.— Соображенія, излагаемыя авторомъ въ этой части сочиненія, если и страдаютъ по мѣстамъ темнотою и шероховатостью выраженія, то свидѣтельствуя о похвальномъ стремленіи его проникнуть какъ можно глубже въ свой предметъ и въ достаточной степени раскрываютъ общее несовершенство поэтическихъ идеаловъ эпохи, зависящее отъ неудовлетворительности тогдашнихъ языческихъ представленій о судьбахъ міра и человѣка.

Вторую часть своего сочиненія авторъ посвящаетъ вопросу объ измѣненіи представленныхъ имъ ранѣе идеаловъ поэзіи классическаго міра подѣ влияніемъ началъ, внесенныхъ въ міръ христіанствомъ. При этомъ съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на характерѣ средне-вѣковой поэзіи, раскрывая въ сжатомъ и довольно искусномъ очеркѣ вызванное христіанствомъ широкое и многостороннее развитіе внутренняго духовнаго міра въ челоѣчествѣ. Изъ поэтовъ новѣйшей эпохи онъ обращаетъ исключительное вниманіе на Шекспира, характеризуя типъ созданной имъ новой драмы въ сооставленіи ея съ драмой классической.

Сочиненіе студента Михаила Славскаго довольно обширно, свидѣтельствуетъ о солидномъ умственномъ развитіи автора и какъ обработанное подѣ руководствомъ лучшихъ иностранныхъ пособій, хотя и не безъ промаховъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, можетъ быть признано удовлетворительнымъ для полученія степени кандидата богословія.

Экстра-ординарнаго профессора Александра Бѣляева.

1. О сочиненіи студента *іеродіакона Андроника* на тему: „Древне-церковное ученіе объ Евхаристіи какъ жертвѣ въ связи съ вопросомъ объ искупленіи“.

„Сочиненіе о. Андроника, кромѣ введенія, имѣетъ двѣ части. Въ двухъ главахъ первой части излагается ученіе

о Христѣ-Искупителѣ и объ искупленіи, а во второй бѣльшей части, также имѣющей двѣ главы, излагается ученіе объ Евхаристіи какъ жертвѣ и о жертвѣ вообще.

Все сочиненіе о. Андроника, можно сказать, соткано изъ реченій, взятыхъ изъ сочиненій святыхъ отцовъ и изъ богослужебныхъ книгъ. Отыскать и выписать эти изреченія и привести ихъ въ порядокъ, чтобы собственными словами святыхъ отцовъ дать полный отвѣтъ на предложенную тему, для этого, безъ сомнѣнія, нужно было много потрудиться. Къ сожалѣнію, у о. Андроника за добросовѣстнымъ исполненіемъ этого труда мало осталось времени для разъясненія изреченій отцовъ, и сочиненіе получило видъ почти только сборника матеріала, освѣщеннаго собственною мыслию автора меньше, чѣмъ сколько желательно. Отъ этого его сочиненіе кажется сухимъ, не смотря на возвышенность приведенныхъ въ немъ изреченій.

Но какъ богатый сборникъ матеріала, который все-таки сгруппированъ и отчасти разъясненъ, сочиненіе имѣетъ большую цѣну, и авторъ его заслуживаетъ степени кандидата“.

2. О сочиненіи студента *Грандилевскаго Леонида* на тему: „Объ образѣ и подобіи Божіемъ въ человѣкѣ“.

„Г. Грандилевскій рѣшаетъ вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ образомъ и подобіемъ Божиимъ, съ которыми созданъ человѣкъ. Исходя изъ мысли, что образъ и подобіе Божіе въ человѣкѣ составляютъ нѣчто среднее природѣ Божества, онъ сопоставляетъ природу человѣческой души и свойства ея съ свойствами существа Божія и приходитъ, преимущественно путемъ психологическаго анализа, къ убѣжденію, что образъ и подобіе Божіи состоятъ въ непостижимости существа души, въ ея духовности, безсмертіи, свободѣ, разумности и владычествѣ надъ природою, а въ особенности въ нравственной природѣ души и въ ея стремленіи къ богообщенію и богоуподобленію. Этотъ анализъ и выводы его онъ подтверждаетъ мѣстами Писанія, которыя

онъ достаточно разъясняетъ, и свидѣтельствами святыхъ отцовъ. Весь этотъ матеріалъ: философско-психологическій, библейскій и патрологическій, хорошо изслѣдованъ, разъясненъ и изложенъ.

Сочиненіе вполне заслуживаетъ того, чтобы авторъ его былъ удостоенъ степени кандидата“.

3. О сочиненіи студента *Селунскаго Николая* на тему: „Изложеніе и разборъ ученія рационалистовъ объ искупленіи“.

„Кромѣ краткаго введенія сочиненіе г. Селунскаго распадается на пять главъ. Въ 1-й главѣ излагается и опровергается ученіе объ искупленіи социніанъ, во 2-й—Гуго Гроція, въ 3-й—рационалистовъ-эвдемонистовъ, какъ-то: Штейнбарта, Эбергарда, Теллера и другихъ, въ 4-й—Канта и его послѣдователей—Штеудлиха, Вегшейдера, Флятта, Бречнейдера и другихъ; въ 5-й—новѣйшаго богослова Ричля.

Ученія рационалистовъ авторъ излагалъ частію по ихъ собственнымъ сочиненіямъ, частію по вспомогательнымъ пособіямъ, каковыми служили ему преимущественно сочиненія Ландерера и Пюньера (то и другое на нѣмецкомъ языкѣ).

Эти же сочиненія, а также и нѣкоторыя сочиненія на русскомъ языкѣ помогали ему при критикѣ рационалистическихъ воззрѣній на искупленіе.

Какъ изложеніе, такъ и опроверженіе рационалистическихъ воззрѣній отличаются обстоятельностью. Авторъ въ достаточной мѣрѣ ознакомился со взглядами на искупленіе разсмотрѣнныхъ имъ рационалистовъ и умѣло показалъ недостатки этихъ взглядовъ. Кромѣ того сочиненіе его написано чистымъ русскимъ языкомъ. Поэтому авторъ его заслуживаетъ степени кандидата“.

4. О сочиненіи студента князя *Ухтомскаго Александра* на тему: „О гнѣвѣ Божіемъ“:

„Сочиненіе князя Александра Ухтомскаго есть первый въ русской богословской литературѣ опытъ обширнаго изслѣдованія о гнѣвѣ Божіемъ. Должно прибавить, что даже и иностранная литература не изобилуетъ сочиненіями объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ о гнѣвѣ Божіемъ и о проявленіяхъ его говорится часто въ Священномъ Писаніи и раскрытіе понятія о гнѣвѣ Божіемъ имѣетъ значеніе какъ для уясненія библейскаго ученія о свойствахъ Божіихъ, такъ и для восполненія и раскрытія нашихъ понятій объ искупленіи людей Иисусомъ Христомъ, вѣрующіе въ Котораго освобождаются отъ гнѣва Божія, пребывающаго на невѣрующихъ въ Сына (Іоан. III, 36). Отсюда видно, что изслѣдованіе этого предмета сколько желательно, столько же затруднительно. Г. Ухтомскій взялся за такой трудъ и выполнилъ его не безъ успѣха.

Источниками ему служили—Священное Писаніе и творенія святыхъ отцовъ, большею частію изъ тѣхъ, которые переведены на русскій языкъ, а пособіями сочиненія русскихъ богослововъ, какъ то: Епископа Теофана, Протоіерея Іоанна Сергіева, профессоровъ: Ѳ. А. Голубинскаго и А. Д. Бѣляева и другихъ. Въ изученіи матеріала авторъ обнаружилъ значительное усердіе, и сочиненіе его показываетъ, что онъ занимался своимъ предметомъ съ любовью. Благодаря этимъ хорошимъ качествамъ, онъ, не смотря на разбросанность матеріала, сумѣлъ выработать, провести и по возможности обосновать свой взглядъ на гнѣвъ Божій. По его мнѣнію, то, что называется гнѣвомъ Божіимъ, есть проявленіе Промыслительнаго отношенія Бога къ грѣшникамъ и страданіе человѣка отъ грѣха. Свой взглядъ г. Ухтомскій подтверждаетъ частію примѣрами изъ библейской исторіи, частію мѣстами Писанія, не оставляемыми имъ безъ объясненія, частію изреченіями отцовъ и учителей Церкви, частію, наконецъ, своими соображеніями. При этомъ онъ раскрываетъ свой взглядъ положительно, не

вдаваясь въ пространныя опроверженія несогласныхъ съ нимъ взглядовъ и ограничиваясь упоминаніемъ о нихъ и краткими замѣчаніями противъ нихъ.

Главный недостатокъ сочиненія въ томъ, что г. Ухтомскому не удалось выработать строгаго плана, отъ чего матеріалъ какъ бы разбросанъ по сочиненію, тѣсной связи между частями не установлено и мысли не вездѣ изложены съ логическою послѣдовательностію. Но этотъ недостатокъ отчасти извиняется тѣмъ, что у автора не было ни одного сочиненія, которое могло оказать ему помощь въ выработкѣ плана. Признаемъ автора достойнымъ степени кандидата богословія.

Экстраординарнаго профессора Н. Заозерскаго о кандидатскихъ сочиненіяхъ:

1. Студента *Ивана Веніамина* (*Фильдманъ*): „Ветхозавѣтное законодательство о содержаніи духовенства и его отраженіе въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнаго права“.

„Массивное, можно сказать, сочиненіе студ. Ив. Веніамина (стр. 1—812 убористаго письма) выполняетъ задачу не довольно многосложную и этимъ внѣшнимъ несоотвѣтствіемъ сразу же предрасполагаетъ рецензента въ свою пользу, ибо самая массивность есть уже выраженіе авторскаго трудолюбія. Въ общемъ это предрасположеніе дѣйствительно и оправдывается при чтеніи самаго сочиненія: сочиненіе весьма содержательно, изобилуетъ учеными цитатами и обрисовываетъ нѣкоторыя стороны изучаемаго предмета съ такою детальностію, которая свидѣтельствуетъ о значительно глубокомъ изученіи избраннаго предмета. Но одновременно съ этимъ, благоприятнымъ для автора, впечатлѣніемъ по мѣрѣ изученія сочиненія въ немъ открываются и такія свойства, которыя въ значительной степени ослабляютъ это впечатлѣніе.

Такъ: одна половина темы—ветхозавѣтное законодательство о содержаніи духовенства раскрыта авторомъ не только

полно, тщательно и интересно, но даже съ пѣкоторыми излишествами, а именно: авторъ посвящаетъ обширную главу (II-ю, стр. 86—252) изображенію значенія ветхозавѣднаго священства въ общественномъ устройствѣ іудейской теократіи, раскрывая ту главную мысль, что священство у Евреевъ имѣло не одно чисто религиозное, но и общественно-государственное значеніе. Спрашивается: зачѣмъ нужно было автору дѣлать такое отступленіе въ область ветхозавѣтной исторіи? Затѣмъ—отвѣчаетъ онъ —чтобы объяснить встрѣчающіяся во 2-й кн. Апостольск. Постановленій выраженія: „почитайте ихъ (епископовъ) начальниками и царями, принесите имъ и дани какъ послѣднимъ... Епископъ—начальникъ и вождь вашъ; это царь и правитель вашъ“.... Но вѣдь въ Апостольск. Постановленіяхъ эти фразы — случайны, не больше какъ риторическія фигуры, внесенныя интерполяторомъ какъ средство убѣжденія читателей-христіанъ оказывать честь и повиновеніе церковной іерархіи.... Авторъ представляетъ въ высшей степени подробное и—надобно сказать—весьма интересное изображеніе ветхозавѣтныхъ жертвъ, даетъ детальное изображеніе способа закланія жертвенныхъ животныхъ (гл. 5, особенно стр. 576 и слѣд). Но прочтеніи этой главы читатель ощущаетъ весьма непріятное впечатлѣніе отъ того обилія крови, какая проливалась на ветхозавѣтномъ жертвенникѣ. Спрашивается: для чего нужно было автору входить въ эти подробности? Для того, отвѣчаетъ авторъ, что въ Апостольск. Постановленіяхъ есть ссылки на всѣ виды этихъ ветхозавѣтныхъ жертвъ (Апост. Пост. кн. II, 25, 34; VII, 29, VIII, 30).—Вообще изъ цѣлаго сочиненія выносятся то впечатлѣніе, что памятники церковнаго права для автора служили не главною цѣлью изслѣдованія, а лишь поводомъ для ученыхъ изысканій автора въ области іудейскихъ древностей.

Нельзя одобрить автора и за внутренній (логическій)

строй его сочиненія. Такъ, въ самомъ началѣ сочиненія, авторъ говоритъ, что „Апостольскія Постановленія будутъ предметомъ нашего разсужденія“ (стр. 6), между тѣмъ въ гл. IV авторъ, раскрывъ ветхозавѣтное законодательство о десятинахъ и представивъ богатыя свѣдѣнія о количествѣ доходовъ, какое давали онѣ ветхозавѣтному священству, сообщаетъ читателю, что этотъ ветхозавѣтный законъ имѣлъ громадное значеніе въ христіанской церкви, что кромѣ Апостольск. Постановленій онъ встрѣчается въ памятникахъ права римско-католической церкви; его вліяніе замѣтно даже въ русской церкви (въ Уставѣ св. Владиміра), а „въ Англии и до сихъ поръ еще не вывелся обычай взиманія десятины въ пользу духовенства“ (стр. 538 примѣч.). Конечно, это вѣрно; но авторъ, заведя читателя въ западную Европу и древнюю Русь, очевидно и забылъ, что предметомъ его разсужденія служатъ только Апостольскія Постановленія.

Нельзя одобрить автора и за встрѣчающееся по временамъ пренебреженіе къ требованіямъ русской стилистики, впрочемъ принимая во вниманіе обширный объемъ сочиненія, должно сказать, что это пренебреженіе встрѣчается довольно рѣдко.

Какъ видно отсюда, сочиненію недостасть надлежащей внѣшней, формальной обработки. Однако же и въ предлагаемомъ видѣ оно представляетъ весьма дѣльный комментарий къ Апостольскимъ Постановленіямъ и нѣкоторымъ Апостольскимъ Правиламъ.

Принимая во вниманіе богатство историческихъ свѣдѣній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже иллюстрированныхъ рисунками (особенно обильны и цѣнны свѣдѣнія изъ Талмуда), собранныхъ авторомъ въ теченіи курса, почитаю справедливымъ совершенно извинить отмѣченные выше формальные недостатки сочиненія и признаю автора вполне заслуживающимъ степени кандидата богословія“.

2. О сочиненіи студента *Видойковича Йордана*: „Дѣйствующее законодательство о бракѣ въ православныхъ помѣстныхъ церквахъ Сербской и Русской“.

„Небольшое по объему сочиненіе автора (1—320) имѣетъ своею задачею представить въ сжатомъ видѣ содержаніе законодательныхъ опредѣленій касательно брака, дѣйствующихъ въ настоящее время въ практикѣ Сербской и Русской православныхъ церквей. Цѣлое законодательство о бракѣ авторъ подраздѣляетъ на три главныя группы: а) заключеніе брачнаго союза, б) родство, какъ препятствіе къ браку и в) расторженіе брака. Соотвѣтственно сему и все сочиненіе раздѣляется на три главы, или отдѣленія, каждое отдѣленіе подраздѣляется затѣмъ на рубрики, по которымъ и располагается сравнительное изложеніе двухъ законодательствъ: обыкновенно сначала Сербской, затѣмъ Русской церкви. Такъ напр. 1-е отдѣленіе подраздѣляется на слѣдующія рубрики: а) „Предбрачни испитъ“ (examen sponsorum) или обыскъ, б) оглашеніе, в) обрученіе и г) вѣнчаніе. Отдѣленіе 2-е говоритъ въ частности: а) о родствѣ (кровномъ, двухродномъ и трехродномъ), б) о родствѣ духовномъ, в) объ усыновленіи и родствѣ физическомъ (незаконномъ) и г) о побратимствѣ, какъ препятствій къ заключенію брака. Въ отдѣленіи 3-емъ разсматриваются сначала основанія брачнаго развода и затѣмъ—бракоразводный процессъ.

Сочиненіе читается съ большимъ интересомъ въ особенности тамъ, гдѣ авторъ даетъ детальное изображеніе нѣкоторыхъ особенностей въ національно-сербской обрядности, напр. при совершеніи бракосочетанія. Таково напр. изображеніе значенія „вѣнчальнаго кума“ и шаферовъ: стараго свата („стари сват“) и „деверя“ (мальчикъ или дѣвочка) по сравненію съ нашими поручителями (стр. 81 и слѣд.). Точно также заслуживаетъ глубокаго вниманія разность практики Сербской церкви по сравненію съ нашею

въ отношеніи къ степенямъ родства какъ препятствіямъ къ браку. Сербская церковь доселѣ строго держится византійской средневѣковой каноники, распространяющей родство какъ препятствіе къ браку до 7-й степени. При этомъ авторъ пытается и объяснить это явленіе частію изъ причинъ историческихъ, частію національныхъ (устойчивость родовыхъ отношеній, „задруга“).

Своему сочиненію авторъ предпосылаетъ перечень источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался для составленія своего сочиненія (всего 54 №№: 28 изъ сербской литературы, остальные—изъ русской).

Вообще содержаніе сочиненія вполне удовлетворительно; хорошее впечатлѣніе по мѣстамъ парализуется только недостатками языка въ синтаксическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Напр. авторъ выражается: „и какъ бы не такъ, когда бракъ содержитъ всѣ тѣ условія“ и проч. Слѣдовало выразиться: иначе и быть не можетъ, потому что бракъ и проч. (стр. 12). Или: „.... желанія и капризы нѣкоторыхъ супруговъ въ ихъ междуусобной (вмѣсто „совмѣстной“) жизни возникающихъ (вмѣсто „возникающія“), стр. 251.

Принимая во вниманіе сербскую національность автора, извиняю этотъ недостатокъ языка и признаю сочиненіе удовлетворительнымъ для кандидатской диссертациі.

3. О сочиненіи студента *Филиппа Виноградова*: „Организациа церковноприходскихъ школъ и школъ грамоты и ихъ современное состояніе“.

„Названное сочиненіе представляетъ собою весьма обстоятельное изложеніе законодательства и правительственныхъ мѣропріятій относительно распространенія и благоустройства церковныхъ школъ за истекшее десятилѣтіе, а также и изображеніе настоящаго ихъ фактическаго состоянія. Оно раздѣляется на двѣ части: въ первой (стр. 18—133) авторъ изображаетъ 1) виѣшнюю организациу церковноприходскихъ школъ, въ частности: управленіе церковно-приходскими шко-

лами (Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ по дѣламъ церковно-приходскихъ школъ, Епархіальный Училищный Совѣтъ и отдѣленія Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ; Наблюдатели за церковноприходскими школами, Попечители и Почетные Попечители церковноприходскихъ школъ) и средства содержания; за тѣмъ излагаетъ постановленія Св. Синода относительно учащихся въ церковноприходскихъ школахъ, ихъ образовательный цензъ (способъ опредѣленія на должность и ихъ права) и учащихся (льготныя ихъ права по отбыванію воинской повинности; составъ экзаменаціонныхъ комиссій и порядокъ испытаній для получения льготныхъ свидѣтельствъ). Послѣ сего авторъ переходитъ къ изображенію 2) внутренней организаціи церковноприходскихъ школъ, разумѣя подъ этимъ названіемъ церковный духъ и направленіе преподаванія, характеризующее какъ предметы преподаванія въ церковноприходскихъ школахъ (именно усиленное преподаваніе Закона Божія и церковнаго пѣнія), такъ и практическія средства религіознаго воспитанія дѣтей въ сихъ школахъ (гл. 1-я). Съ такою же обстоятельностью авторъ изображаетъ и организацію школъ грамоты (стр. 103—133, гл. 2).

Въ этой части своего сочиненія авторъ основывался исключительно на строго законной почвѣ; всѣ опредѣленія и указы Св. Синода по данному предмету онъ изучилъ тщательно и потому его изображеніе организаціи церковныхъ школъ отличается основательностію, ясностію, опредѣленностію.

Вторая часть (стр. 133 — 301, по автору 3-я глава) изображаетъ современное состояніе церковныхъ школъ.

По существу своему это есть весьма сжатый очеркъ дѣйствительнаго положенія церковныхъ школъ, какое явилось результатомъ правительственныхъ мѣропріятій за истекшее десятилѣтіе и усерднаго труда православнаго духовенства и скромныхъ его сотрудниковъ—учителей и учительницъ цер-

ковныхъ школъ. Небольшой по объему очеркъ достался автору цѣною немалого труда изученія и оффиціальныхъ источниковъ (отчеты Оберъ-Прокурора и отчеты Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ), и частныхъ мнѣній и сообщеній о церковныхъ школахъ, разсѣянныхъ по журналамъ духовнымъ (не исключая и епархіальныхъ вѣдомостей) и свѣтскимъ. Этотъ разнообразный матеріаль авторъ изучилъ, усвоилъ, разклассифицировалъ его и уже какъ знатокъ предмета представилъ свое мнѣніе о немъ.

Сочиненіе отличается вообще спокойнымъ, дѣловитымъ тономъ, но при этомъ всюду ощущается личная симпатія автора къ церковной школѣ и ея великой задачѣ, ей намѣченной правительствомъ.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ“.

4) О сочиненіи студента Геннадія Добротина: „Государственныя мѣропріятія противъ еретиковъ и раскольниковъ по уголовному кодексу и по воззрѣніямъ и частнымъ распоряженіямъ митр. Филарета“.

„Автору предлежалъ двойкій путь къ удовлетворительному рѣшенію предложенной ему задачи: простой и легкой—положительный и весьма сложный и трудный — критическій. То есть: авторъ могъ ограничиться точнымъ изложеніемъ смысла статей закона, относящихся къ данному предмету, а также мнѣній и административныхъ распоряженій митр. Филарета, сюда же относящихся: задача была бы удовлетворительно разрѣшена. Но автору предлежалъ и иной путь: имѣя въ виду пользующеся завиднымъ вниманіемъ какъ въ періодической свѣтской литературѣ, такъ и въ русской наукѣ уголовного права мнѣніе, что нашъ уголовный кодексъ относительно преступленій противъ вѣры стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ принципомъ свободы совѣсти и на семъ основаніи долженъ быть радикально измѣненъ,—имѣя это въ виду, авторъ могъ критически отнестись къ этому мнѣнію и высказаться или pro или contra. Авторъ

избралъ этотъ сложный и трудный путь и разрѣшилъ свою задачу превосходно.

Сочиненіе раздѣляется на двѣ части. Въ первой (стр. 1—309) авторъ въ сжатомъ видѣ излагаетъ сначала мнѣнія нашихъ либеральныхъ мыслителей, публицистовъ и криминалистовъ о неудовлетворительности системы дѣйствующаго законодательства противъ еретиковъ и раскольниковъ; со всею ясностью выражаетъ принципъ свободы совѣсти и полной вѣротерпимости государства, какъ основы для преобразованія нашего уголовного кодекса въ духѣ, желаемомъ нашими либеральными мыслителями. За тѣмъ совершенно спокойно и послѣдовательно онъ раскрываетъ недостатки либеральныхъ теорій и постепенно раскрываетъ предъ читателемъ достоинство дѣйствующаго уголовного законодательства, какъ выработавшагося путемъ долгаго историческаго опыта и вполне отвѣчающаго задачамъ и интересамъ православнаго государства и русскаго православнаго народа. Въ концѣ первой части авторъ въ сжатомъ видѣ излагаетъ самыя нормы дѣйствованія нашего государства по отношенію къ еретикамъ, раскольникамъ и сектантамъ, содержащіяся въ уголовномъ кодексѣ.

Спокойное опроверженіе противныхъ мнѣній и положительные аргументы автора въ защиту дѣйствующаго законодательства сами по себѣ настолько состоятельны, что читатель охотно соглашается съ воззрѣніями автора. Послѣдній однакоже не довольствуется этимъ и во второй части (стр. 310—466) въ стройной системѣ излагаетъ воззрѣнія митр. Филарета по данному предмету. Въ этихъ глубокомысленныхъ воззрѣніяхъ авторъ представилъ такое авторитетное подтвержденіе своихъ выводовъ, сдѣланныхъ въ первой части, что у читателя исчезаетъ всякое желаніе предъявлять какія либо дальнѣйшія притязанія къ автору относительно раскрытія данной темы.

По богатству содержанія, эрудиціи и методичности изло-

женія сочиненіе заслуживаетъ полнаго одобренія. Весьма желательно видѣть его въ печати.

Признаю автора вполне заслуживающимъ кандидатской степени и отмѣчаю сочиненіе его высшимъ балломъ“.

5) О сочиненіи студента *Семена Касаткина*: „Церковно-государственныя мѣры къ распространенію и утвержденію православной вѣры по дѣйствующему законодательству“.

„Данную тему авторъ раскрываетъ въ такой послѣдовательности. Заповѣдь Господа: шедше научите вся языки... церковь русская исполняла всегда, но въ самыхъ способахъ исполненія этого дѣла замѣчается въ теченіи исторіи ея слѣдующая разность: до XVI вѣка миссіонерское дѣло было подвигомъ частныхъ лицъ, воспламенявшихся ревностью къ распространенію свѣта Христова въ средѣ язычниковъ, т. е. совершалось по частной инициативѣ безъ единообразной правильной организаціи. Болѣе или менѣе систематическая миссіонерская дѣятельность русской церкви, при содѣйствіи свѣтскаго правительства, началась со времени покоренія Казани Іоанномъ Грознымъ; но только въ настоящемъ столѣтіи она получила правильную организацію и вызвала къ постоянной дѣятельности исключительно ей назначенныя учрежденія: ихъ то въ подробности и рассматриваетъ авторъ въ своемъ сочиненіи. Въ частности онъ рассматриваетъ: 1) церковныя и государственныя мѣропріятія для распространенія христіанства въ Европейской Россіи до учрежденія въ 1867 году Братства св. Гурія; 2) организацію миссіонерскаго дѣла въ Европейской Россіи и его современное состояніе; 3) церковныя и государственныя мѣропріятія для распространенія христіанства въ Сибири до половины настоящаго столѣтія; 4) организацію и современное положеніе миссіонерства въ Сибири; 5) церковно-государственныя мѣры по обращенію еретиковъ, раскольниковъ и сектантовъ а) до половины настоящаго вѣка и б) въ настоящее время; 6) учрежденія, содѣйствующія мис-

сіонерству: миссіонерское общество и братства. Въ концѣ сочиненія авторъ сравниваетъ положеніе нашего миссіонерскаго дѣла съ положеніемъ его у католиковъ и протестантовъ; поражаясь богатствомъ матеріальныхъ средствъ у тѣхъ и другихъ, онъ, однакоже, усматриваетъ въ постановкѣ нашего миссіонерства добрыя нравственныя стороны, которыхъ тамъ нѣтъ и выражаетъ надежду, что съ теченіемъ времени, при содѣйствіи благодати Божіей, пробудится общій интересъ въ средѣ православныхъ христіанъ къ миссіонерскому дѣлу и матеріальные недостатки устроятся.

Сочиненіе, небольшое по объему (1—330), представляетъ собою законченное цѣлое, богатое содержаніемъ. Оно представляетъ собою сжатое изложеніе тѣхъ свѣдѣній, какія даютъ оффиціальныя источники (указы Св. Синода и уставы миссіонерскаго общества и братствъ и отчеты миссіонерскаго общества), и литература по данному предмету (монографіи, очерки, — какъ отдѣльными книгами, такъ и статьями періодическихъ изданій, въ особенности—Православнаго Благовѣстника).

Для полученія кандидатской степени признаю сочиненіе удовлетворительнымъ“.

6) О сочиненіи студента *Николая Нарбекова*: „Вліяніе Кормчей книги на Соборное Уложеніе царя Алексія Михайловича“.

„Сочиненіе раскрываетъ данную тему слѣдующимъ образомъ: въ началѣ авторъ передаетъ исторію составленія Соборнаго Уложенія (1—22), за тѣмъ въ гл. 1-й раскрываетъ значеніе византійскаго права чрезъ посредство номоканона въ исторіи древнерусскаго права (23—40); въ гл. 2-й полно и обстоятельно указываетъ вліяніе Кормчей книги на гражданское право Уложенія, въ частности на узаконенія послѣдняго касательно брака, союза родителей и дѣтей, опеки, а также и на узаконенія касательно права имущественнаго, какъ то: права на чужія вещи (личный и реаль-

ный сервитуты), права на дѣйствія лицъ (разные виды обязательствъ), на узаконенія о наслѣдствѣ. Въ гл. 3-й (стр. 99—173) съ такою же полнотою и основательностію раскрывается вліяніе каноническаго и уголовного права Кормчей книги на уголовныя наказанія Уложенія.

Авторъ старается доказать то общее положеніе, что Уложеніе Алексія Михайловича представляетъ собою послѣдній актъ вѣковой борьбы двухъ юридическихъ воззрѣній (въ области права гражданскаго и уголовного) византійскаго и національно-русскаго, завершившейся въ Уложеніи побѣдой перваго изъ сихъ воззрѣній. Съ этою цѣлью авторъ въ своемъ сочиненіи и предлагаетъ сжатый историческій очеркъ постепеннаго проникновенія началъ византійскаго права въ наше законодательство до того момента, когда составленіемъ Уложенія 1648 года это проникновеніе достигло наивысшей своей полноты. Основная мысль автора раскрывается и доказывается точными сравнительными цитатами, по большей части текстуальными изъ Кормчей книги, памятниковъ древне-русскаго законодательства и Уложенія.

Авторъ умѣло воспользовался какъ существующею ученою литературою по данному предмету, такъ равно обстоятельно ознакомился и съ текстомъ Уложенія и Кормчей книги и составилъ хотя и небольшое по объему (1—173), но стройное и обстоятельное сочиненіе, отличающееся основательностію логическою и стилистическою обработанностію.

Признаю автора достойнымъ полученія кандидатской степени“.

7) О сочиненіи студента *Теодосія Никольскаго*: „Наказанія за преступленія духовныхъ лицъ по практикѣ митрополита Филарета“.

„Названное сочиненіе построено по слѣдующему плану: во введеніи (I—X) авторъ указываетъ на глубокую важность для науки церковнаго права церковносудебной практики

митр. Филарета, насколько она въ настоящее время можетъ быть доступна для изученія по изданнымъ его резолюціямъ, письмамъ къ преосвященнымъ архіереямъ, мнѣніямъ и отзывамъ его касательно даннаго предмета. Важность заключающагося здѣсь матеріала служить сильнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы предпринять систематическую обработку его; авторъ и беретъ на себя эту задачу и, высказавъ довольно обычную жалобу на трудность ея, знакомитъ читателя въ общихъ чертахъ съ своею системою, по которой онъ расположилъ свои обобщенія изученнаго имъ матеріала.

Цѣлая система автора представляетъ собственно три части, но авторъ почему то употребилъ иное раздѣленіе, а именно: на главу 1-ю и главу 2-ю, „распадающуюся— по его выраженію—на двѣ части“ (стр. X).

Каждая изъ этихъ частей предваряется подробнымъ обозначеніемъ ея содержанія. Предметомъ первой части служитъ указаніе основаній церковнонаказующей власти: такими по практикѣ митр. Филарета служатъ: Слово Божіе, каноническія опредѣленія соборовъ и отцовъ церкви, постановленія Св. Синода и собственныя его правственнo-юридическія соображенія. Далѣе—порядокъ или судебный процессъ, коимъ присуждается виновному церковное наказаніе и мѣры, ограждающія точное его исполненіе виновнымъ (стр. 1—44). Часть 2-я (или по автору 1-я часть 2-й главы) имѣетъ своимъ предметомъ указаніе тѣхъ цѣлей, какія преслѣдовалъ въ своей судебной практикѣ митр. Филаретъ, налагая на виновныхъ тѣ или иныя наказанія, а также указаніе тѣхъ мотивовъ, которыми опредѣлялся то строгій, то снисходительный характеръ ихъ (стр. 45—149). Часть 3-я (или по автору 2-я часть 2-й главы) имѣетъ своимъ предметомъ установленіе классификаціи преступленій и наказаній, встрѣчающихся въ практикѣ митр. Филарета (стр. 150—241).

Авторъ полно раскрылъ данную тему, трудолюбиво и тщательно изучилъ довольно обширный матеріалъ и представилъ опытъ его систематизаціи. Для совершенія этой работы въ теченіе курса нужно было приложить неослабное усердіе и въ немъ нельзя отказать автору: результатомъ его усердія къ дѣлу и явилось богатство содержанія сочиненія. Но что касается его самостоятельной попытки систематизаціи изученнаго матеріала, то похвалы заслуживаетъ только эта самостоятельность, но не самая система. Авторъ лучше бы поступилъ, если бы воспользовался общепринятой въ законодательствѣ и наукѣ уголовного права системой ученія о наказаніяхъ, раздѣляющейся на двѣ части: общую или принципиальную часть, содержащую раскрытіе понятій о сущности наказанія, объ основаніяхъ наказующей власти, о вѣнненіи и проч. и особенную, содержащую классификацію наказаній.

Нахожу, впрочемъ, этотъ недостатокъ извинительнымъ и легко исправимымъ“.

Для полученія кандидатской степени нахожу сочиненіе удовлетворительнымъ.

8. О сочиненіи студента *Крониды Смирнова*: „Дѣйствующее законодательство русской церкви по вопросу о степеняхъ родства, какъ препятствіи къ браку“.

„Самый сухой, трудный и скучный отдѣлъ въ курсѣ церковнаго права, но въ то же время глубоковажный въ практическомъ отношеніи представляетъ каноническое ученіе о степеняхъ родства, какъ препятствіи къ браку. Небольшую часть этого отдѣла—какъ видно уже изъ самаго заглавія разсматриваемаго сочиненія—авторъ и взялъ темою своего сочиненія для соисканія ученой степени. Сознаніе глубокой жизненной важности этого предмета у автора ясно сказалось не только въ его заявленіи объ этомъ въ довольно обширномъ введеніи (1—80) и въ заключеніи (659—677), но и въ цѣломъ сочиненіи его, именно въ тщательной об-

работкѣ изложенія, въ его поискахъ за справками по уясненію предмета какъ въ литературѣ, такъ и въ совѣтѣ съ практиками—юристами. Только полное и ясное сознаніе жизненной важности предмета и могло воодушевлять автора въ предлежавшемъ ему трудѣ. Такъ и произошло, что скучный самъ по себѣ предметъ послужилъ темою для цѣльнаго, логически стройнаго, основательнаго и интереснаго сочиненія.

Самое изслѣдованіе предмета авторъ представилъ въ двухъ частяхъ: положительной (81—348) и критической (421—659). Въ первой части заслуживаютъ особеннаго вниманія примѣры родственныхъ комбинацій, возбраненныхъ и разрѣшаемыхъ для брака: ихъ множество, занявшее стр. 145—258, причемъ авторъ оговаривается (стр. 249.), что имъ очерченъ только приблизительно кругъ родства. Нуженъ, конечно, спеціальныя навыки для того, чтобы прочесть со вниманіемъ эти страницы; но авторъ и для спеціалиста облегчилъ этотъ трудъ, приложивъ вслѣдъ за тѣмъ графическое изображеніе этихъ комбинацій въ видѣ 58-ми объяснительныхъ таблицъ (301—348 стр.).

Во 2-й части сочиненія, названной самимъ авторомъ критическою, авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на основаніяхъ или мотивахъ для воспрещенія браковъ въ опредѣленныхъ степеняхъ родства разныхъ видовъ. Здѣсь авторъ обнаружилъ довольно обширное знакомство съ мнѣніями науки pro и contra стѣсненія свободы въ заключеніи браковъ между родственниками. Указавъ затѣмъ на то обстоятельство, что церковное законодательство въ теченіи многовѣковой исторіи не отличалось устойчивостію въ этомъ отношеніи, то расширяя, то ограничивая кругъ родства, воспрещеннаго для брака, авторъ высказываетъ свои *ria desideria* для будущаго въ послѣднемъ направленіи. Въ ученомъ сочиненіи это, конечно, совершенное излишество, впрочемъ существу дѣла не вредящее, а потому и извинительное.

Признаю сочиненіе вполне удовлетворительнымъ“.

Доцента Алексѣя Введенскаго о кандидатскихъ сочиненіяхъ:

1. студента *Василія Кузнецова* на тему: „Ученіе Канта о религіи (оправданіе религіи и уясненіе ея содержания на почвѣ критической философіи)“.

„Сочиненіе небольшое, но хорошо продуманное. Въ трехъ равномѣрныхъ главахъ авторъ отчетливо выясняетъ отношеніе Канта къ вопросамъ, входящимъ въ составъ темы, при чемъ обнаруживаетъ обстоятельное знакомство съ подлинными сочиненіями философа и умѣнье правильно переводить и истолковывать его. Правда, встрѣчаются въ послѣднемъ отношеніи иногда и недосмотры; но ихъ сравнительно не много. Главною достоинство сочиненія и вмѣстѣ особенность, выгодно отличающая его отъ большинства студенческихъ работъ, состоитъ въ томъ, что оно не загромождено выписками изъ Канта; напротивъ повсюду въ немъ замѣтно стремленіе понять зерно мысли философа и передать его идеи простымъ, яснымъ и опредѣленнымъ языкомъ. Критическими замѣчаніями сочиненіе небогато и иногда въ нихъ прямо чувствуется недостатокъ; но свое отношеніе къ Канту и его идеямъ авторъ опредѣляетъ достаточно ясно: онъ повсюду даетъ понять, что богослова, стоящаго на почвѣ православнаго церковнаго сознанія, взгляды Канта удовлетворить не могутъ. Для полученія степени кандидата сочиненіе вполне достаточно“.

2) О сочиненіи студента *Николая Лебедева* на тему: „Философія Откровенія Шеллинга“.

Нелегкую задачу понять и систематизировать взгляды Шеллинга, относящіяся къ области поставленной темы, авторъ выполняетъ удовлетворительно. Въ обширномъ (даже слишкомъ обширномъ) введеніи (стр. 11—157) онъ выясняетъ *генезисъ* „Философіи Откровенія“; затѣмъ въ трехъ главахъ сочиненія анализируетъ ся общее содержаніе, но